

ЦЕРКОВЬ И НАРОД В БОРЬБЕ С ОБНОВЛЕНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ ПРИ ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

Борисюк Андрей Анатольевич

Аспирант,

Православный Свято-Тихоновский

Гуманитарный Университет

THE CHURCH AND THE NATION IN THE FIGHT AGAINST THE RENOVATIONIST SCHISM IN THE TERRITORY OF MOSCOW UNDER PATRIARCH TIKHON

A. Borisjuk

Annotation

This article analyzes the confrontation between the faithful of the city of Moscow Renovationist schism, which happened in the 1920-ies with the support of the Soviet government.

According to the author, the Bolsheviks planned to make the ranks of the faithful dissension and divide the Church from within. In article it is shown that for this purpose, the Bolsheviks created a separate religious group, loyal to the Soviet government and undermining the basic principles of Orthodoxy. The group went down in history as a Living Church, or Renovationist schism. The article deals with the mechanisms of popular resistance that structure. The author explores the depth of participation of the faithful in this resistance. The article examines mechanisms regulating this people's struggle: resolution of the Council of 1917–1918, appeals of Patriarch Tikhon. The paper assesses the effectiveness of popular resistance in the territory of separately taken region. The author proves that Moscow becomes the center of events. Based on the analysis of documents, the author comes to the conclusion that the struggle with Renovationism made a truly national character. The article shows that most clearly showed itself in this struggle, the parish councils of the city of Moscow. The system of Church Councils created by the local Council of 1917–1918, was the firm shield, which broke the aggressive plans of the Bolsheviks.

Keywords: Patriarch Tikhon, the Orthodox Renovationism, the Living Church, the Parish Councils, the Bolsheviks, the persecution of the Church, Communism, Repression.

Аннотация

В данной статье анализируется противостояние верующего народа города Москвы обновленческому расколу, который случился в 1920-е годы при поддержке советской власти.

По мнению автора, большевики планировали внести в ряды верующих раздор и расколоть Церковь изнутри. В статье показано, что для этой цели большевики создали отдельную религиозную группу, лояльную советской власти и подрывающую базовые принципы православия. Группировка вошла в историю как Живая Церковь или обновленческий раскол. В статье рассматриваются механизмы народного сопротивления этой структуре. Автор исследует глубину участия верующего народа в этом сопротивлении. В статье изучаются механизмы, регламентирующие эту народную борьбу: Постановления Собора 1917–1918 гг., обращения и воззвания патриарха Тихона. В статье оценивается эффективность народного сопротивления на территории отдельно взятого региона. Автор обосновывает, что именно Москва становится центром происходящих событий. На основании анализа документов, автор приходит к выводу, что борьба с обновленчеством приняла действительно народный характер. В статье показано, что особенно ярко показали себя в этой борьбе приходские советы города Москвы. Система Церковных Советов, созданная Поместным Собором 1917–1918 гг. стала непоколебимым щитом, о который разбились агрессивные планы большевиков.

Ключевые слова:

Патриарх Тихон, Православие, Обновленчество, Живая Церковь, Приходские Советы, Большевики, Гонения на Церковь, Коммунизм, Репрессии.

1917 год стал для России роковым. В этом году был свержен законный государственный строй, последовал хаос и гражданская война. В этом же году начинаются первые гонения на Церковь. Непосредственно в жизни Церкви происходят и другие знаковые события: восстанавливается патриаршество, меняются принципы Церковного управления. Собор 1917–1918 гг. наделил мирян правом участия в Церковном управлении всех уровней: Создаются Епархиальные, Благочиннические и Приходские Советы.

В условиях гонений, Русская Церковь и ее новые управленческие принципы "проверяются на прочность". Аресты, расстрелы и ограбления храмов стали лишь видимой частью этих гонений. Случались и провокации. В 1922 году начинается особенный эпизод гонений – поддержка советской властью обновленческого раскола. Обновленческий раскол представлял собой возникновение новых управляемых просоветских церковных структур, дискредитирующих православие. Обновленцы прославились попытками либерализации Церковной жизни

и нарушениями канонов ради желания казаться современнее и отличились ярким рвением в угождении советской власти. Несмотря на то, что обновленческий раскол изучался многими исследователями, до сих пор по нему имеется ряд спорных вопросов. Некоторые авторы отмечают, что одной из специфических сторон истории изучения рассматриваемой темы является большое количество околонучных материалов. В частности об этом говорит историк И. В. Соловьев.[1] Сама природа обновленчества имеет различные трактовки. Некоторыми исследователями природа обновленчества даже рассматривается как позитивное и прогрессивное явление, которое вылилось в катастрофу лишь из-за того, что было поддержано большевиками.[2] Другими исследователями это явление рассматривается как болезнь, корни которой уходят в конец XIX–начало XX вв.[3] Несмотря на довольно большое количество работ по изучению обновленчества, имеют место споры и фактически неизученные срезы проблемы. Так, например, остается в тени тема народного сопротивления обновленцам.

Постановления Собора 1917–1918 гг. позволили мирянам широко участвовать в Церковных Советах. Простые верующие стали стороной, принимающей решения. Теперь их можно рассматривать как отдельный субъект, в том числе и в контексте противодействия расколу. К сожалению, народная борьба против обновленческого раскола остается практически неизученной. Мы частично восполним этот пробел, разобрав эпизод противостояния Церкви, при поддержке народа с одной стороны, и обновленцев с другой стороны на территории Москвы. Таким образом, проблематика нашей статьи находится на стыке истории развития структуры патриаршей Церкви и истории обновленчества. Объектом внимания станет народ и его роль в противостоянии патриаршей и обновленческой Церкви.

Расцвет обновленчества приходится на 1922 год. Именно в этом году, в марте, происходит арест патриарха Тихона. Уже совсем скоро, 29 мая 1922 года в Москве при негласной поддержке ГПУ НКВД РСФСР проходит учредительное собрание так называемой "Живой Церкви".[4] Новая "религиозная организация" получает поддержку атеистического режима. Действующий патриарх арестован. Новая структура объявляет себя "единственной канонической церковной властью".[5]

Разумеется, с точки зрения Церковного права это выглядело незаконно. Живая Церковь вошла в историю как "обновленческий раскол".

Важной особенностью этого раскола является государственная поддержка: обновленцы в один миг получили власть над всей структурой Русской Церкви. Все решалось с позиции силы. Советская власть организовала арест законного патриарха и других значимых церковных руководителей. Вся структура Русской Церкви оказалась формально подчинена раскольникам.

То есть обновленцы, это не какая-то отдельная религиозная организация, которая бы конкурировала с законной Русской Православной Церковью. Обновленцы –

это искусственная надстройка, которой в 1922 году была директивно подчинена Русская Православная Церковь в полном составе со всеми храмами и монастырями. Об этом говорит анализ структуры управления: обновленческая Церковь была представлена Высшим Церковным Управлением, взаимодействующим с Московским Епархиальным Управлением, которое в свою очередь взаимодействовало с благочинными[5].

Структурно, механизм подчинения Русской Православной Церкви выглядел следующим образом: высший уровень управления был ликвидирован и заменен новыми обновленческими структурами, благочиния (средний уровень) – подчинены обновленцам напрямую. Приходы (низший уровень) – подчинены обновленцам через благочинных. Высшее Церковное Управление (обновленческое) осенью 1922 года издает указы, направленные на жесткий контроль Московских благочинных: "принять в непосредственное ведение ВЦУ благочинных и настоятелей г. Москвы, подчинив их заведующему административно-организационной частью ВЦУ, <...> запретить поминовение патриарха Тихона во всех храмах".[6] Управление ими проводится с позиции силы: "Протоиерею В.Д. Красницкому наблюдать за выполнением сего постановления в церквях г. Москвы, возложив ответственность за невыполнение сего постановления лично на благочинных и настоятелей церквей. Неисполнение означенного распоряжения будет служить знаком явной политической контрреволюционности <...> Церковный ВЦУ предлагает Управлению доносить о лицах, неподчиняющихся сему предписанию, увольняя немедленно от занимаемых должностей всех настоятелей церквей, где таковое распоряжение не будет исполняться. О сем МКУ дается указание срочного объявления благочинным и подведомому им духовенству".[6]

Итак, благочинные оказываются лично ответственными за подчинение всех храмов Москвы обновленцам, в противном случае их ожидают репрессивные меры. Во время подготовки Обновленческого Собора 1923 года все приходы должны были выдвигать на него кандидатов, показав свою лояльность словом и делом. Никто из благочинных не имел права возразить. Нам удалось найти только один эпизод серьезного сопротивления на уровне Московских благочиний. Отказался участвовать в отправке делегатов на Обновленческий Собор благочинный 4-го отделения Замоскворецкого сорока Константин Скворцов. В результате его благочиние было упразднено[7]. Но даже этот священник ранее выражал обновленцам лояльность, потому что, по его словам, от вынужденной лояльности, "в силу сложившихся тогда обстоятельств, благочиние отказаться не могло".[7]

То есть Московские Благочиния были крайне жестко подчинены обновленцам. Могло ли быть на этом уровне народное сопротивление? Теоретически да. Воспользовавшись постановлениями Собора, миряне могли воспрепятствовать деятельности обновленческих священников или вообще недопустить избрания подобных, в соответствии с пунктом 76 Определения о Епархиальном

управлении.[8] Хотя, конечно, это была опасная борьба. Сопротивление обновленчеству рассматривалось как контрреволюция, а священников замеченных в ней высылали.[6] Примером народного сопротивления на уровне благочиний является история все того же протоиерея Константина Скворцова. После расстрела своего предшественника священномученика Сергея Заозерского именно он избирается новым благочинным, однако, решает отказаться от должности. Позже он докладывал: "я счел себя не вправе занимать выборную должность по назначению и подал заявление о сложении с себя обязанностей благочинного и об избрании на таковую должность нового лица".[9] Однако, подчиненное духовенство и прихожане, все же его единогласно избирают, видя его верность Церкви. То есть народ не дал верному священнику права самоустраниться. Понимая значимость народного потенциала в системе Церковного управления, большевики пытались держать Благочиннические Советы в подчинении, незаметно выявляя своих идейных противников. Существовала такая схема: обновленцы выступали на собраниях Благочиннических округов, организовывался диспут, где каждый высказывал свою позицию. Оппоненты обновленцев "через несколько дней обычно арестовывались и высылались из Москвы".[10]

Система контроля за Московскими благочинными воспринималась обновленцами как эталонная и ставилась в пример другим регионам. Так, с июля 1922 г. в планы "Живой церкви" входит образование по всей России системы управления подобной "московской".[11] И, тем не менее, лазейка для сопротивления все-таки остается.

Намного интереснее разворачиваются события на уровне Приходов. Дело в том, что Приходов было много, а сил и административного ресурса у обновленцев и большевиков – ограниченное количество. В 1920 году в Москве действовало около 260 приходов.[12] Если, гипотетически, обновленцы могли контролировать 17 благочинных и могли пытаться манипулировать 17 благочинническими Советами, то контролировать около 260 Приходов и Приходских Советов было уже намного сложнее. Тем более, деятельность Приходских Советов могли покрывать Благочинные, которые выражали лояльность обновленцам лишь формально. Именно здесь у простого народа появляется намного более реальная возможность самовыражения.

Рассмотрим механизмы народного самоуправления, заложенные Собором 1917–1918 гг. Управление приходами, согласно постановлениям Собора 1917–1918 гг., осуществлялось через Приходское Собрание и Приходской Совет. Приходской Совет, являлся выборным органом: "В состав Совета входят все члены причта, церковный староста или его помощник, избираемые миряне обоюбого пола".[13] Уже с самого начала эпохи церковной смуты, приходские Советы выражают обновленцам протест. Например, приход храма Богоявления в Елохове отстраняет назначенных ВЦУ протоиереев-обновленцев, членов группы "Живая Церковь".[14] Подобным об-

разом оказывал сопротивление кадровым решениям Московского Епархиального Управления и приходской совет храма Даниловского кладбища (отстраняет обновленческих назначенцев)[15]. Примечательно, что оба приведенных в пример прихода не понесли никаких последствий за свои действия. В адрес первого со стороны ВЦС лишь последовал упрек, что действия Приходского Совета "канонически неправильным".[15] Есть и другие примеры. Сопротивление кадровым решениям обновленцев через Приходской Совет оказывали также прихожане Храма на Ваганьковском кладбище[16]. Мы приводим примеры кладбищенских храмов не просто так. Уже в самом начале церковной смуты, обновленцы объявляют, что кладбищенские храмы становятся для них особо приоритетными. На августовском Съезде "Живой Церкви" в 1922 г. В. Д. Красницкий говорил о необходимости подчинения всех московских кладбищ для того, чтобы обеспечить обновленчеству материальный источник существования[17]. Это неудивительно, ведь кладбищенские храмы были наиболее доходными. Но даже тут обновленцы получают отпор. Происходит волеизъявление народа, с которым советская власть ни чего не может сделать законными методами. Прихожане получили широкое влияние. И если даже, теоретически, большевики могли сломить дух некоторых священников, то сломить дух всему приходу было намного сложнее. Большевики это понимали и оценивали работу Приходских Советов следующим образом: "приходские советы – те безответственные элементы, кои хотя и именем Церкви и под флагом Церкви свергнуть Советскую власть". Как замечают исследователи "руководство органов политического сыска СССР издаст даже особое распоряжение о перевыборах Приходских Советов прежнего состава, т.к. именно они стали надежной преградой для распространения раскола и, в ряде случаев, только они оказывали "удерживающее влияние" на своих пастырей, готовых идти на недопустимые компромиссы"[18].

Таким образом, на уровне Приходов новая административная структура стала залогом непокорности Церкви. Ключевую роль стал играть, народ, а его во всей массе обмануть или запугать было гораздо сложнее, чем какого-либо отдельно взятого человека. И так, в период, когда патриарх был арестован, а высшая власть в Церкви захвачена, новая система Церковного управления дала возможность народу проявить себя достойно, что наглядно наблюдается на уровне приходов.

На XII Съезде РКП(б), проходившем в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г., было признано, что в сжатые сроки невозможно уничтожить религию в России, и предлагались более долговременные меры.

В июне 1923 года патриарх выходит на свободу. Возобновляется работа патриаршего Епархиального Совета[19], начинается новый этап в жизни Церкви – теперь обновленческая Церковь оказывается не единственной разрешенной, а конкурирующей с патриаршей. Обновленцы эту конкуренцию проигрывают. Здесь играет роль уже не только народ, но и сам патриарх, священному-

ченник Илларион (Троицкий) и другие яркие Церковные деятели. Но сам факт выпуска на свободу патриарха, сам факт признания большевиками невозможности быстрого подавления православия во многом зависел от деятельности Приходских Советов с мая 1922 по июнь 1923. Этот период становится временем в первую очередь народной борьбы с обновленчеством. Кроме того, и в период с 1923 по 1925 Церковные Советы продолжают играть роль серьезного барьера на пути распространения раскола. В 1925 году, когда обновленцы уже фактически потерпели Крах, они еще надеялись выправить свое положение, добившись от правительства силовой смены Приходского Устава Патриаршей Церкви. Раскольники аргументировали свою позицию тем, что Устав "дает возможность кулацким элементам совета держать в кабале священника <...> под давлением Совета уходящего в Тихоновщину".[20] Даже в 1925 году новые

принципы церковного управления были одним из главных препятствий к покорению Церкви. Именно эти принципы позволили народу отстоять право на свою веру. Сам Патриарх Тихон, еще в 1918 году, задолго до обновленческого раскола, оценил их по достоинству: "по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном деле представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне – живая сила".[21] Патриарх видел в этих принципах большое будущее. Обращаясь к Приходским Советам в 1918 году он говорил: "Меня утешает, что все вы живете общим соборным разумом. И уверен, что рано или поздно это будет везде".[21] Этот соборный разум и механизмы реализации народного волеизъявления наглядно и колоритно проявили себя во время Обновленческого раскола в 1922–1925 гг. Во многом благодаря этим принципам обновленческий раскол и был побежден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев И. В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики), М., 2002. С. 17
2. Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века, СПб., 1999. С. 64
3. Цыпин В., прот. Обновленчество. Раскол и его предыстория // Сети обновленного православия. М., 1995; Цыпин В. Прот. Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917–1918 годов. // Церковь и Время №1 (26). М. 2004. С. 160
4. Штрикер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). М., 1995. С. 198
5. Живая Церковь. 1922. № 3. С. 2
6. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10б
7. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 290б–30
8. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о епархиальном управлении 1 (14), 7 (20), 9 (22) Февраля 1918 года
9. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 29
10. Краснов–Левитин А. Э., Шавров В. М. После раскола // Очерки по истории русской церковной смуты. Москва; Кюнсхат (Швейцария), 1996. С. 78.
11. Живая церковь. 1922. № 4 – 5. С. 23
12. Степанов Владимир Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987. С. 84
13. Приходской устав, принятый Поместным собором Русской Церкви 20 апреля 1918 года.
14. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 100
15. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 87
16. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 67
17. Поспеловский Д. В. Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон // Церковь и время. 1999. № 2. С. 31
18. Соловьев. И. Церковно-приходская жизнь Москвы в начале 1920-х годов // Журнал "Церковь и время" № 50, М., 2010. С. 78
19. Виноградов В. П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг). Мюнхен, 1959.
20. Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора в Советскую эпоху // Церковь и Время №1 (26). М. 2004. С. 175. Со ссылкой на вестник Священного Синода. 1925. № 2.
21. Беглов А. Л. Церковно-общественные движения на рубеже 1910 – 1920-х гг. URL: <http://pstgu.ru/download/1282645592.beglov.pdf> (Дата обращения: 01.06.2017)

© А.А. Борисюк, (Andreyborisyuk@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

